

RU

Огневой бой и удар холодным оружием в пехотной тактике начала XVIII века

Кутищев А. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить основные методы ведения боя европейской пехотой на рубеже XVII-XVIII веков, акцентируя внимание на использовании огнестрельного и холодного оружия. Научная новизна заключается в анализе военного дела эпохи через призму противостояния сторонников увлечения залповой стрельбой и холодного оружия, что во многом определяло национальные особенности некоторых европейских армий. В результате автор пришёл к выводу, что, несмотря на общие тенденции развития западноевропейских армий, вопросы применения огнестрельного и холодного оружия в них решались по-разному. В российской армии критически относились к европейскому военному делу и перенимали его только после жестокого отбора боевой практикой.

EN

Fire Combat and Bayonet Charge in the System of Infantry Tactics at the Beginning of the XVIII Century

Kutishchev A. V.

Abstract. The author analyses the European infantry tactics at the turn of the XVII-XVIII centuries paying special attention to the use of firearms and cold weapon. Scientific originality of the study lies in the fact that the military science of that epoch is considered through the lens of confrontation between supporters of the volley firing doctrine and the bayonet doctrine, which largely determined national specifics of some European armies. The conducted research allows concluding that, despite common trends in the West European military theory, the problem of using firearms and cold weapon was approached differently. The Russian military officials had negative perception of the European military science and adhered to the principle that the European military strategies should be introduced only after their approbation in field conditions.

Введение

Актуальность статьи заключается в непреходящей насущности для российского общественного сознания дискурса о заимствовании европейского опыта и его адаптации к отечественной самобытной культуре. Данная статья продолжает эту историческую полемику, акцентируя внимание на отдельную сторону военного дела рубежа XVII-XVIII веков – на тактику пехоты.

В основу работы с историческим материалом положен системный подход, позволяющий изучать отдельные факты и события в органическом единстве с эпохой и в их взаимосвязи в рамках военной теории и практики. Основными методами данного исследования являются исторический и компаративный, позволяющие изучать военное дело в пространственно-временном движении и проводить сравнительный анализ его отдельных элементов и структур.

Основные задачи, поставленные перед исследованием: проанализировать тактику пехоты ведущих западноевропейских стран рассматриваемого исторического периода; выявить основные формы и методы ведения боя французской, английской, голландской пехоты в ходе войны за испанское наследство (1701-1714 гг.), а также русской и шведской пехоты в ходе Великой Северной войны (1700-1721 гг.); найти общее и особенное, заимствованное и самобытное в действиях регулярной русской пехоты Петра Великого.

Настоящее исследование основано на обширной и разносторонней теоретической базе, представленной мемуарами очевидцев событий [7; 24; 25], перепиской и корреспонденцией Петра Великого и Людовика XIV [12; 19; 21], отечественными и зарубежными исследованиями Великой Северной войны (1700-1721 гг.), Войны за испанское наследство (1701-1714 гг.), тактики пехоты армий Петра Великого, Карла XII, Людовика XIV, Дж. Мальборо [1-3; 5; 8; 10; 15; 16].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы могут найти применение в культурно-нравственном и патриотическом воспитании российской молодёжи, а также в научно-исследовательской работе студентов в системе высшего и среднего профессионального образования.

Основные тенденции развития тактики европейской пехоты на рубеже XVII-XVIII вв.

Сочетая в себе целеустремлённость и непреклонную волю реформатора со здравым смыслом рационального политика, Пётр I с неподдельным интересом воспринимал прогрессивные веяния Запада и со свойственной ему горячностью торопился привить их на отечественной почве. Пожалуй, нигде так широко не применялись европейские инвенции, как в молодом российском флоте и в регулярной армии. Один из объектов постоянного внимания и неустанной заботы царя – это пехотные полки, составлявшие костяк регулярной российской армии. Организация, боевая подготовка и применение российской пехоты совершенствовались с учётом передового опыта европейских армий, который изучался как лично Петром, так и через посланников, представителей и волонтеров.

Наиболее плодотворной в этом отношении была командировка в Европу майора Преображенского полка А. А. Вейде. Он скрупулёзно изучал теорию и практику европейского военного дела, в качестве волонтёра участвовал в нескольких военных кампаниях против турок Евгения Савойского, одного из лучших военачальников эпохи. По результатам своей командировки он представил царю систематизированный отчёт, так называемый «Устав Вейде». Этот материал, доработанный в том числе и самим Петром, впоследствии лёг в основу «Краткого обыкновенного учения», первого строевого устава регулярной российской армии.

В XVII-XVIII веках тактическая подготовка европейских армий фактически сводилась к строевому обучению. Солдат должен был уметь держать равнение, дистанцию и интервал, по команде совершать перестроения и уверенно владеть оружием. Строевая выучка требовала много усилий и занимала большую часть служебного времени солдат и офицеров. Наиболее сложным тактическим действием считалось развёртывание маршевых колонн в боевую линию. Во избежание путаницы к полю боя войска двигались плотными колоннами в 8-12 рядов шириной. Колонна вытягивалась на поле параллельно фронту противника и затем захождением пошереножно вправо или влево формировала длинные тонкие линии. Процесс усложнялся тем, что войска центра, правого и левого флангов боевого порядка подходили к полю боя отдельными колоннами и иногда с разных направлений. Кроме того, боевой порядок состоял из двух линий, пехоты и конницы, отдельно. Иногда армия двигалась в составе 8 отдельных колонн.

Каждая рота занимала место в батальонном строю в соответствии со старшинством ротного командира. Гренадёры занимали почётное место в голове колонны. Батальоны в конце XVII века все ещё состояли из мушкетеров и пикинеров, соотношение между которыми составляло 5:1. Так, французская рота по регламенту 1690 г. насчитывала 50 солдат, 10 из которых были пикинерами. На марше те и другие двигались отдельными компактными группами. Чтобы быстрее развернуться в боевой порядок, батальон маршировал в составе трёх отдельных формирований, не соответствовавших ротной организации. Во время развёртывания пикинеры строились в центре боевого порядка батальона, справа и слева от которого выстраивались мушкетёры. Слаженность и оперативность построения боевого порядка требовала недюжинных управленческих навыков от командования и высокой строевой выучки от солдат.

Главным фактором военного прогресса эпохи стало массовое применение огнестрельного оружия. Это сказалось на повышении удельного веса пехоты в составе армий. Её решающая роль в полевых сражениях и кампаниях приобретала вид устойчивой тенденции. Несмотря на то, что кавалерия оставалась главной наступательной силой, решающим условием успеха становилась стойкость, дисциплинированность и огневая мощь пехоты. По словам очевидца, «если кавалерия оставалась основной ударной силой, то пехота своим огнём должна была сводить на нет её стремительный порыв» [17, р. 29]. В полной мере эти качества были продемонстрированы европейской пехотой на полях сражений Войны за испанское наследство (1701-1714 гг.). Повышение её огневой мощи ставило на повестку дня вопрос о поиске наиболее эффективных тактико-строевых решений. При внешней унификации и единообразии строевых практик в разных армиях все же существовали свои особенности во взглядах на боевое применение пехоты. При этом выделялись две тенденции. Сторонники первой окончательно и бесповоротно делали ставку на методичный залповый огонь как главный фактор успеха в бою. Консервативное же крыло военных, с разной степенью осторожности оценивая роль стрельбы, отстаивало более активное применение холодного оружия.

Наращивание огневой мощи пехоты шло двумя путями. Первый – это увеличение числа стрелков за счёт окончательного упразднения ставших бесполезными пикинеров. Эту тенденцию отмечает и наблюдательный А. Вейде, «с крайним прилежанием» вникавший во все тонкости европейской военной науки. В своем отчёте Петру I он пишет, что пикинеры «еже в нынешнее время едва не все отставлено, и в то место фузеи с багинетами употребляют» [4]. Другой путь – дальнейшее уменьшение глубины и расширение фронта боевой линии. Это достигалось за счёт сокращения шеренг в строю и перехода к сомкнутому построению за счёт уменьшения интервалов и дистанций между солдатами.

Во Франции, обладавшей к этому времени самой боеспособной армией, к началу Войны за испанское наследство возобладали консервативные настроения. Некоторые историки предпочитают говорить о беспечности французов, предпочитавших почивать на лаврах прошлых побед и сквозь пальцы взирать на военный

прогресс [15, р. 98-104; 16, р. 115-116; 21, р. 482]. Действительно, ордонансы Людовика XVI 1693, 1703 гг. подтверждали уже порядком устаревшие тактико-строевые формы. Так, французские батальоны сохраняли глубокое 5-шереножное построение и излишне широкие интервалы в 4 шага [22, р. 54], характерные для эпохи тяжёлых фитильных мушкетов, требующих пространства для перезарядки и обладавших низкой скорострельностью. Новое ружьё-*fusile* с его усовершенствованным кремнёвым замком снимало эти проблемы. Несмотря на это, тактика французской пехоты не претерпела изменений. И всё же, на взгляд автора статьи, преждевременно обвинять французских военных в беззаботности и недалёковидности. Возможно, они просто трезво и без излишней идеализации оценивали методичный залповый огонь. Возможно, для них эти вопросы были не настолько принципиальными, так как они всегда делали ставку не на залповый огонь неподвижно стоящей пехоты, а на стремительную атаку холодным оружием. Действительно, в войнах второй половины XVII века французская пехота часто решала исход боя штыками и пиками. По этой же причине французы до последнего сохраняли в своих рядах пикинеров. В отличие от них, англичане и голландцы проявили себя более последовательными сторонниками тактических новаций. Это различие в подходах скажется в ходе Войны за испанское наследство (1701-1714 гг.).

Справедливости ради стоит заметить, что в военной обстановке французы часто применяли и 4-, и даже 3-шереножный строй. Объяснение этому банальное – к концу кампаний в батальонах просто не хватало людей. Генерал Ж.-Ф. Пюисегюр вспоминал: «...обычно потери людей к концу кампании вынуждали нас сократить глубину боевого порядка до 4 шеренг... В ходе Войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) мы едва ли могли сохранить только 3-шереножный строй» [25, р. 57]. Тема глубины боевого порядка нашла отражение и в обзоре А. Вейде: «Некоторые полки в своих рядах только в 4 человека высотой (глубиной. – А. К.) ставят и споруются, что в 6 человек высотой становить недобро есть, особливо же против неприятеля биться опасно, и более смятения нежели пользы учиниться может... Второе говорят они, хотя де ряды в 6 человек высотой крепкую фланку сочиняют, однако ж приходит от того малая и краткая фронта...» (см. Рисунок 1). При этом сам А. Вейде выступает за более глубокий и устойчивый строй пехоты: «И хочу также при сём мнении пребывать, что в 6 человек высотой становить лучше, прибыточнее и безопаснее есть» [4].

Всем другим методам французы предпочитали стрельбу шеренгами. Это нашло закрепление в инструкции французской пехоте, известной, как *Le Major Parfait*: «Лучший способ действия батальона, развёрнутого фронтом против противника, – это огонь шеренгами. Чтобы достичь высшей результативности и непрерывности стрельбы, батальон должен остановить движение. Первые пять шеренг становятся на колено, давая возможность шестой – дать залп. Затем поочередно поднимаются и стреляют 5, 4, 3, 2 и 1 шеренги» [16, р. 116]. Тем не менее стрельба шеренгами имела существенные недостатки, главным из которых была сложность контроля над отдельным солдатом или взводом. Это снижало эффективность залповой стрельбы. По этой причине голландцы и англичане предпочитали стрельбу плутонгами или взводами. Источники не дают однозначного ответа, где впервые была применена эта практика и кто стал её первооткрывателем. Ля Блонд считал, что «стрельба плутонгами... давно известна у голландцев, которые очевидно и являются её изобретателями и благодаря которым эта модель получила распространение среди других европейских наций, которые со временем её заимствовали» [Ibidem, р. 117].

Эти откровения находят подтверждения и в английских источниках. Так, герцог Мальборо в 1689 г. обращается к военному секретарю У. Блатуэйту: «Мне хотелось бы знать, как король изволит экзерцировать нашу пехоту: или по старым английским уставам, или по новым, голландским, в этом случае нужно будет перевести их на английский» [Ibidem]. Голландское происхождение новой методики оспаривается шведскими историками, которые утверждают, что стрельба плутонгами применялась ещё Густавом-Адольфом в битвах 30-летней войны (1618-1648 гг.), и только в 1708 г. Карл XII отказался от этой практики в пользу стрельбы шеренгами [27, р. 13].

С лёгкой руки Дж. Мальборо этот метод стрельбы вскоре был введен во всей английской пехоте. Его описание дошло до нас благодаря «Правилам подготовки пехоты», разработанным бригадиром-генералом Р. Канэ [19].

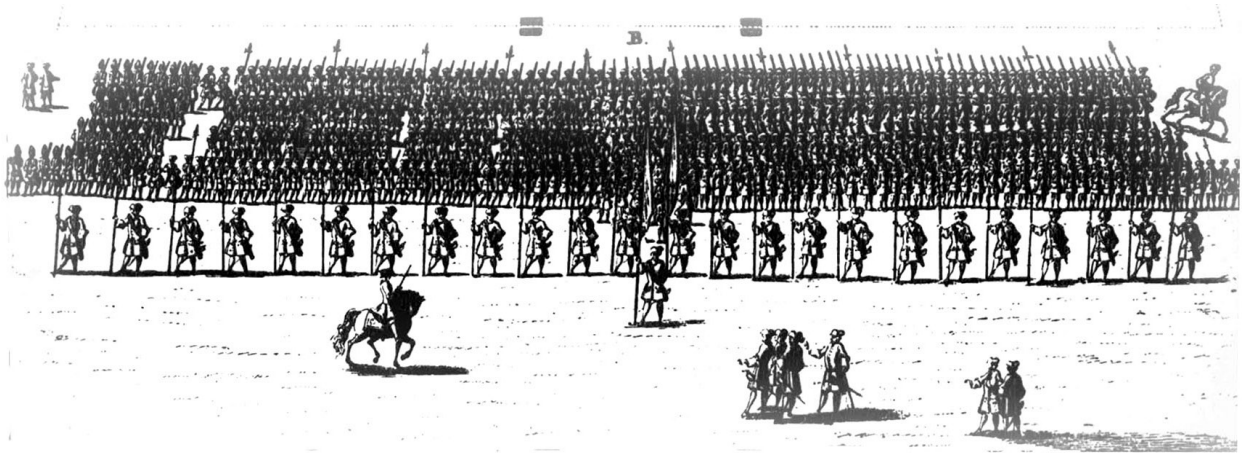

Рисунок 1. Боевой порядок пехотного полка в начале XVIII века [13, С. 66]

Стрельба проходила следующим образом (см. Рисунок 1). Батальон развёртывался в линию, разделившись на 4 дивизиона по 3-4 плутонга в каждом. При этом шеренги сдвигались, сократив глубину строя с 6 до 3 шеренг, а интервал между ними – до 1,5 шагов. Затем командир батальона определял очередность стрельбы, распределив все плутонги по 3 огневым очередям так, чтобы плутонги каждой очереди были равномерно распределены по линии батальона. Сержанты занимали свои места между плутонгами, офицеры – каждый за своей ротой, полковник с сигнальщиком-барабанщиком – впереди перед знамённой группой в центре батальона. В таком порядке батальон был готов к атаке. Все личные вещи солдат, вещмешки, ротное имущество были отправлены с каптенармусами в тыл. «Если мы одержим верх, то все пожитки вернём потом, если – нет, какая разница, кому они достанутся», – так комментировал это обстоятельство Р. Канэ [16, р. 119]. Далее по команде полковника батальон размеренным шагом двигался вперёд. За 60 шагов до противника он останавливался. Следовала команда или сигнал барабана «Первая очередь, приготовиться», по которой плутонги первой очереди и вся передняя шеренга брали мушкеты на изготовку и взводили курки. При этом 1-я шеренга припадала на колено, 2-я и 3-я шеренги первой очереди приступали вплотную к 1-й, при этом солдаты 3-й шеренги заступали чуть правее солдат 2-й шеренги.

По команде «Огонь» плутонги стреляли залпом или по установленной очереди. Таким образом, достигался эффект непрерывного беглого огня. Выстрелив, солдат сразу перезаряжал свой мушкет. Далее в таком же порядке стреляли плутонги 2-й и 3-й очереди. Если противник не уступал, то все повторялось. Натренированный батальон мог отстреляться дважды в минуту (см. Схему 1).

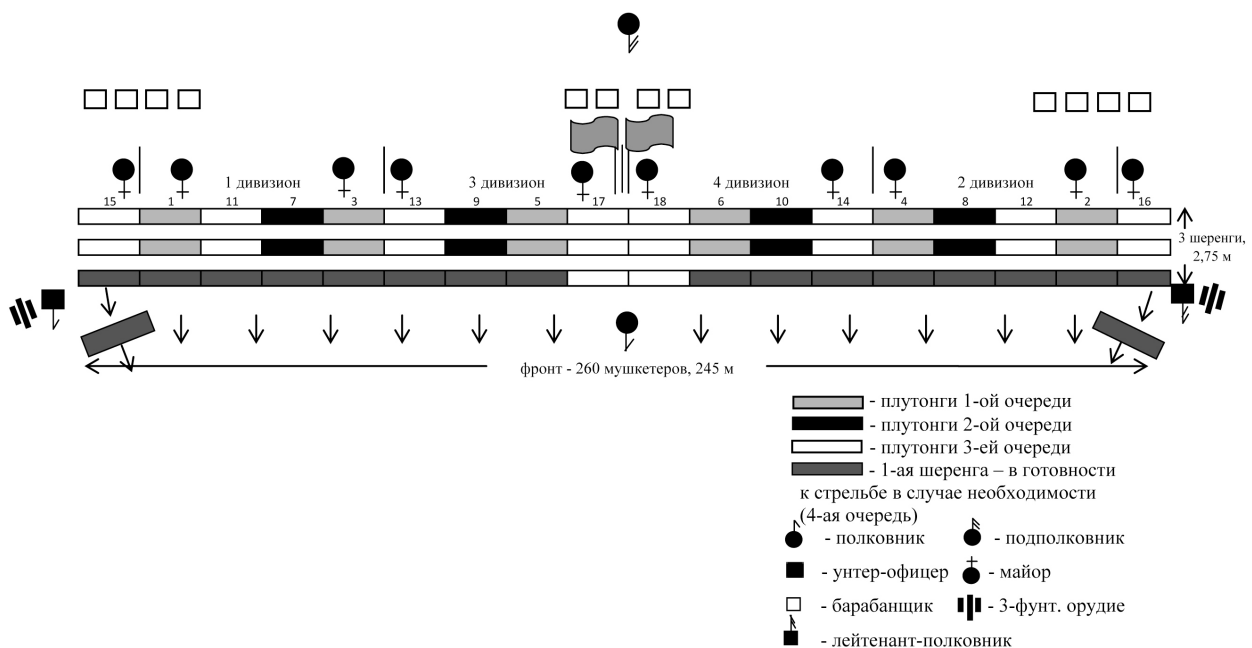

Схема 1. Порядок ведения огня плутонгами английским батальоном в начале XVIII века [14, S. 118]

Залповый огонь и атака холодным оружием в годы Войны за испанское наследство (1701-1714 гг.)

Для иллюстрации превосходства стрельбы плутонгами авторы обычно приводят воспоминания Роберта Паркера об отдельном эпизоде сражения при Мальпляке 11 сентября 1709 г.: «Мы медленно продолжали движение сквозь заросли. Внезапно лесная чаща отступила, и мы оказались на опушке небольшой поляны. На противоположном краю мы увидели развёрнутый в боевой порядок вражеский батальон. Полковник Кане, командовавший в тот день полком, немедленно развернул нас в линию, распределил плутонги и хладнокровно двинул вперёд. Мы были от них в 100 шагах, когда их шеренга дала залп. Мы остановились и ответили им дружным залпом 6 плутонгов первой очереди, после чего твёрдой поступью двинулись навстречу врагу. В это время раздался залп второй шеренги французов, на что мы отвечали огнём 2-й очереди. Было заметно, как поредели их ряды. Их третья шеренга стреляла уже нестройно, вразнобой, после чего они смешались и в беспорядке отступили в лес. Мы проводили их огнём третьей очереди, и больше мы их не видели. На краю поляны мы нашли около 40 убитых и раненых, среди которых оказался и лейтенант О'Саливан, от которого мы узнали, что нашим противником был королевский ирландский полк. Наши потери составили 4 убитых и 6 раненых» [26, р. 88-89].

Тем не менее обращение к свидетельствам современников заставляет не только усомниться в превосходстве стрельбы плутонгами, но и в целом прийти к заключению о надуманности дискуссии о преимуществах и недостатках различных методов стрельбы. В частности, это подтверждает сам Фридрих Великий, пожалуй, самый авторитетный знаток тактики XVIII века. Со свойственным ему остроумием он замечал, что огонь плутонгами был бы наилучшим, если бы в действительности был выполним, но, к сожалению, такого идеала

можно было достигнуть лишь на учебном плацу [6, с. 91]. Ему вторил военный писатель и участник Семилетней войны (1756-1763 гг.) Г. Беренхорст, который считал, что только первый залп дается по уставу, в лучшем случае, два или три plutonга выстрелят согласно правилам. «Затем начинается всеобщая пальба и обычный перекаточный огонь, причем всякий, кто успел зарядить, тот и стреляет, ряды и шеренги перемешиваются, солдаты передней шеренги не успевают опуститься на одно колено, даже если бы они и желали это сделать, а офицеры с низших чинов до самых генералов ничего больше не могут поделать с массой, но вынуждены выжидать, двинется ли она в конечном счете вперед или назад» [14, S. 239-240].

Выходило, что исход боя зависел не столько от мудрёных тактико-огневых методик, сколько от дисциплинированности и стойкости рядовой солдатской массы. Эти качества приобретались систематической муштрой, закреплялись многолетней службой, участием в реальных боях и отражались в неписаных обычаях и устных рекомендациях. По-военному лаконично выражал своё мнение на этот счёт маршал Вильяр: «По моему, лучший метод для французской пехоты – это стремительная атака в штыки» [22, р. 82]. Опираясь на это, он при этом не на огневые методики, а на «удаль и отвагу, свойственную любому французу» [21, р. 488]. Свои взгляды он подкреплял на деле. Беспрецедентная атака под его командованием при Денене в 1712 г. была проведена без единого выстрела. При этом наступающая пехота стойко выдержала два залпа противника с дистанции 50 и 20 метров, после чего ударила в штыки [24, р. 257]. Французы вообще считали своей национальной чертой готовность броситься на врага *à la arme blanche* (врукопашную (фр.). – А. К.). Галльский неудержимый порыв они всегда противопоставляли флегматичности и пассивности немцев: «Германская пехота известна своей стойкостью в обороне, редкостью стремительных атак и практически никогда не выдерживает рукопашной схватки» [21, р. 482].

Со знанием дела рассуждал о психологии боя сам Людовик XIV: «Образцовый внешний вид батальона вызывает представление о силе и уверенности, и этого вполне достаточно, чтоб на некотором расстоянии выглядеть решительным и отважным. Наш противник вряд ли будет дожидаться, пока мы приблизимся настолько близко, чтоб на деле подтвердить наше превосходство» [20, р. 112-113]. Ему вторил опытный маршал Н. Катина: «Нужно убедить солдата не стрелять до последнего и объяснять ему, что гораздо важнее стойко выдержать огонь противника. Поняв, что никакая стрельба нас не остановит, он не выдержит и побежит» [цит. по: 17, р. 25].

Тем не менее этих качеств французам не удалось полностью проявить в ходе Войны за испанское наследство (1701-1714 гг.). Исход почти всех сражений решался в ходе огневого противостояния. Русский исследователь эпохи Н. Голицын насчитал только две штыковые атаки в исполнении французов: во время сражений при Шпьербахе 1703 г. и при Денене 1712 г. [5, с. 102]. В огневой дуэли французы чаще всего уступали более подготовленным англо-голландским войскам. Отдавая должное их тактическому превосходству, Людовик XIV вынужден был указывать своим полевым командирам: «Уделять особое внимание тем частям в боевой линии, которым предстоит сражаться с англичанами» [23, р. 19].

Развитие тактики русской пехоты в годы Великой Северной войны (1700-1721 гг.)

В Великой Северной войне (1700-1721 гг.) в тактике шведов и русских возобладали противоположные тенденции: от увлечения огнем – к решающему удару холодным оружием. Законодателем тактического искусства выступал Карл XII, не признававший ничего иного, кроме решительного наступления. Все тактико-строевые формы пехоты были пересмотрены в целях повышения ударной мощи пехоты. Был сохранён устаревший 6-шереножный строй, так как он обладал большей устойчивостью в рукопашном бою [3, с. 18-27]. По новому регламенту 1708 г. шведы сближались с противником, почти в упор давали залп, после чего с пиками, шпагами и штыками наперевес дружно завершали атаку [1, с. 99-100]. Карл XII отказывается от «передовой» стрельбы plutonгами и вновь вводит «устаревшую» стрельбу шеренгами, более удобную для действия холодным оружием. Более того, иногда (Клишов – 1702 г., Лесная – 1708 г.) шведская пехота ведёт огонь методом караколичивания, известного в России ещё в XVII веке как «стрешный ход» [2]. Сохранили шведы и старую добрую пику – мощное оружие таранного удара. В походе 1707-1709 гг. пикинеры составляли до трети шведских батальонов.

В развитии тактики русской пехоты рубежа XVII-XVIII веков прослеживаются две тенденции. Настроениям Петра на искоренение всего варварского, старомосковского и утверждение европейского «регуляторства» более соответствовал методизм залповой стрельбы. Этой цели была подчинена тактико-строевая подготовка в начале становления регулярной русской армии. Инструкции и регламенты требовали от солдат дисциплины строя, беспрекословного исполнения команд, дружной и «неспешной» стрельбы. Именно на этот элемент Пётр и его соратники обращают наиболее пристальное внимание. В рапортах и реляциях этого периода слышна иногда искренняя горечь, как, например, после дела при Головчино в 1708 г., когда полки «иные и не бились, а которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем» [11, с. 28]. Или, наоборот, – гордость и восхищение, как в реляции А. Д. Меньшикова о победе при Калише: «Радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились» [12, с. 1196]. Пётр восторженно сообщает Ф. Апраксину об успехе при Добром 1708 г.: «Я как и почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видал» [11, с. 110-111]. Петровская армия, прошедшая суровую школу побед и поражений, постепенно приобретала достаточную выдержку и умение, чтобы вести упорный огневой бой. Так, при Лесной, по свидетельствам шведского лейтенанта Ф. К. Вейе, «обе стороны вели такой силы огонь, что нельзя было уловить отдельных выстрелов, всё сливалось в сплошной грохот» [7]. Свидетельством возросшего профессионализма, безусловно, стала

Полтавская битва 1709 г., в ходе которой русская пехота хладнокровно подпускала атакующих шведов на дистанцию 15 м, после чего открывала огонь практически в упор [8, с. 361]. Эффективный залповый огонь в ходе Прутской кампании 1711 г. вынудил турок в конце концов отказаться от стремительных, но бессмысленных атак на русские позиции.

Терпя поражения в начальный период войны, русские терпеливо, но неуклонно перенимали сильные стороны ударной тактики противника. Уже в ходе боёв 1708-1709 гг. войска не ограничиваются залповой стрельбой, всё чаще прибегая к штыкам и пикам. Следуя примеру противника, русские возвращают в роты порядком забытую пику. Признавая стрельбу плутонгами методом, «который лучше и безопаснейший есть» [18], русские, опять же вслед за шведами, переходят к стрельбе шеренгами. Ф. К. Вейе вспоминал, как неприятель «напал на нас со всеми силами из леса, так что их пики и штыки почти упирались в нас, а мы могли видеть русских в упор. Рукопашный бой был жестоким, и русские оттеснили нас...» [7]. В неудачном деле при Головчино Копорский полк пытается отчаянной штыковой атакой спасти положение [9]. Под Полтавой русская пехота завершает дело дружным ударом в штыки. По воспоминаниям генерала Алларта, «после того, как я дал ещё один залп по ним, то мы пошли в штыковую атаку, как на кавалерию, так и на пехоту» [цит. по: 8, с. 361].

Заключение

Таким образом, тактика пехоты ведущих западноевропейских стран на рубеже XVII-XVIII веков продолжала совершенствоваться. Главным фактором её развития на этом этапе становится массовое применение огнестрельного оружия.

Основным видом поражения противника в войнах эпохи становится огневой бой. Со временем в западноевропейских армиях возобладало чрезмерное увлечение залповой стрельбой и преувеличение роли огня в бою. Успех в сражениях Войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) почти всегда достигался огневым превосходством над противником. Особенно последовательными сторонниками огневого боя выступали голландцы, англичане и их немецкие союзники.

В Великой Северной войне (1700-1721 гг.) возобладало более взвешенное отношение к роли огнестрельного оружия. Велико было влияние шведской армии Карла XII, часто решавшей исход сражений решительными ударами холодным оружием. Под воздействием этих факторов постепенно формируется тактика боя русской регулярной армии, основанная на разумном сочетании залпового огня и решительной штыковой атаки. Это во многом обусловило её национальный колорит и профессиональные качества. Эта культурно-профессиональная самобытность русской армии, исток её будущих побед, требует к себе пристального внимания специалистов и может стать предметом дальнейших военно-исторических исследований.

Список источников

1. Беспалов А. В. Карл XII: монография. М.: Академия ГПС МЧС России, 2008. 238 с.
2. Беспалов А. В. Северная война. Карл XII и шведская армия. Путь от Копенгагена до Переволочной (1700-1709) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=243539> (дата обращения: 16.11.2020).
3. Васильев А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орёл. 1992. № 1. С. 18-27.
4. Воинский устав, оставленный и посвящённый Петру Великому генералом Вейде в 1698 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geenactor.ru/ARH/PDF/Veide.pdf> (дата обращения: 22.11.2020).
5. Голицын Н. С. Великие полководцы истории. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1875. 222 с.
6. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: в 4-х ч. СПб.: Наука, 2001. Ч. III. 381 с.
7. Дневник лейтенанта Упландского временного пешего полка Левенгаупта Ф. К. фон Вейе 1708-1712. Стокгольм, 1902 [Электронный ресурс]. URL: <https://slavgorod-museum.com/weihe.htm> (дата обращения: 14.11.2020).
8. Молтусов В. А. Полтавская битва: уроки военной истории 1709-2009. М.: Кучково поле, 2009. 508 с.
9. Мышлаевский А. З. Северная война 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб.: Бережливость, 1901. 139 с.
10. Павленко Н. И. Пётр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.
11. Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13-ти т. М. - Л.: Акад. наук СССР, 1948. Т. VIII. Вып. I. 404 с.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13-ти т. СПб.: Государственная типография, 1900. Т. IV. Вып. II. С. 524-1379 [885 с.].
13. Bachman P., Zeisler K. Der deutsche Militarismus. Illustrierte Geschichte. Berlin: Militarverlag der DDR, 1986. 436 S.
14. Berenhorst G. H. von. Betrachtungen über die Kriegskunst, über ihre Fortschritte, ihre Widersprüche und ihre Zuverlässigkeit. Leipzig: Gerhard Feifcher, 1827. 580 S.
15. Chandler D. Blenheim Preparation. Kent: Spellmount, Ltd., 340 p.
16. Chandler D. The Art of Warfare in the Age of Marlborough. Kent: Spellmount, Ltd., 1988. 317 p.
17. Colin J. L'infanterie au XVIII-e siecle. P.: Berger-Levrault, 1907. 298 p.
18. <http://www.bibliotekar.ru/2-8-99-voennaya-reforma-petra-1-pervogo/11.htm> (дата обращения: 16.11.2020).
19. Kane R. Discipline for a Regiment of Foot upon Action [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=XnABAAAQAAJ&pg=PP7&dq=%22A+New+System+of+Military+Discipline%22+kane&hl=en&ei=6QqLTOOdE8eLswalyJnlAQ&sa=X&oi=book_result&ct=result&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.11.2020).

20. Louis XIV. Mémoire de Louis XIV pour l'instruction du dauphin: en 2 vols. / edit. C. Dreyss. P.: Librairie Académique, 1860. Vol. II. 602 p.
21. Lynn J. A. Giant of the Grand Siecle. The French Army 1610-1715. N. Y.: Cambridge University Press, 2006. 651 p.
22. Memoire du maréchal de Villars: en 5 vol. / edit. C. J. M. Vogüé. P.: Librairie Renuard, 1889. Vol. III. 344 p.
23. Pelet J. J. G., Vault F. E. de le. Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Sucession d'Espagne: en 11 vol. P.: Imprimerie Royale, 1837. Vol. VI. 900 p.
24. Perini H. de. Batailles Françaises 1700-1789. P.: Rue Racine-26, 1890. 496 p.
25. Puysegur J.-F. Art de la guerre: en 2 vol. P.: Libraire du Roy pour l'Artillerie & le Genie a l'Image Notre-Dame, 1749. Vol. I. 518 p.
26. Robert Parker and Comte de Merod-Westerloo / ed. D. Chandler. L.: Longmans, Green and Co, 1968. 275 p.
27. Weaver L. The Story of the Royal Scots. N. Y.: Country Life; Covent Garden and George Newnes, Ltd., 1915. 320 p.

Информация об авторах | Author information

Кутищев Александр Васильевич¹, к. ист. н., доц.

¹ Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург

Kutishchev Alexander Vasilevich¹, PhD

¹ Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

¹ kutishhev@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.12.2020; опубликовано (published): 10.02.2021.

Ключевые слова (keywords): тактика пехоты; огневой бой; штыковая атака; Великая Северная война (1700-1721 гг.); война за испанское наследство (1701-1714 гг.); infantry tactics; fire combat; bayonet charge; The Great Northern War (1700-1721); The War of the Spanish Succession (1701-1714).